

Глобализация и новая консервативная парадигма в XXI веке

*Предлагаем вашему вниманию стенограмму лекции известного французского геополитика и философа-традиционалиста **Алена де Бенуа**, состоявшейся 24 октября 2008 года на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова*

Владимир Добреньков, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор: Коллеги и друзья, прошу внимания! Прежде всего, позвольте мне поприветствовать вас сегодня на открытой лекции известного французского ученого и общественного деятеля Алена де Бенуа.

В последний год на нашем факультете стало хорошей традицией приглашение ученых из зарубежных стран, а также из различных академических научных учреждений России. Вот и сегодня у нас состоится открытая лекция Алена де Бенуа на тему «Глобализация и новая консервативная парадигма в XXI веке».

Нужно отметить, что Ален де Бенуа – известный геополитик, философ, основатель и теоретик движения «Новые правые», а также главный редактор журналов «Новая школа» и «Кризис». Он приглашен социологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова по личной инициативе профессора Александра Дугина, который является директором Центра консервативных исследований нашего факультета.

И сейчас я предоставляю слово Александру Гельевичу, который откроет выступление Алена де Бенуа.

Александр Дугин: Благодарю вас!

Уважаемые коллеги, нужно сказать, что господин де Бенуа – человек не столько известный в России, как во всем мире. Это – звезда консервативной мысли в рамках Европы, а потому на Западе (в том числе и в США) – это фигура известнейшая.

Стоит отметить, что это второй визит Алена де Бенуа в Москву. Впервые он побывал в России в 1992 году, и я думаю, что очень важно, чтобы студенты социологического факультета МГУ и гости, которые пришли на его открытую лекцию, познакомились с этим выдающимся человеком спустя 16 лет после его первого визита в нашу страну.

Для начала отмечу, что сегодняшней лектор – автор более чем 3000 статей и 50 книг, он издает несколько журналов т.н. «Новых правых». Это направление, возникло в конце 60-х годов, после хорошо известного 1968 года, когда в Европе началось развитие новой левой идеологии. Именно тогда ряд консерваторов, противников марксизма и социализма, осуществили пересмотр старых правых консервативных идей.

Именно «новые левые» и «новые правые» в истории политических учений представляют два очень важных, фундаментальных и, пожалуй, наиболее интересных направления в Европе последних 40 лет. Одни из них, «новые левые», связаны с именами Сартра, Делеза, Бурдьё, им ближе классический марксизм. А «новые правые» – это, в первую очередь, Ален де Бенуа, хотя к самому движению примыкали, по меньшей мере, тысячи людей.

И я думаю, что сегодняшняя лекция будет чрезвычайно интересной, поскольку познакомиться с живым классиком, с первоисточником мирового консервативного мышления (причем именно в новой версии) для всех вас – это уникальный шанс. Поэтому я искренне вам завидую, поскольку сегодня вам еще только предстоит открыть это интереснейшее направление в современной политической и социальной философии.

При этом стоит отметить, что социология – это, пожалуй, одно из ключевых направлений деятельности «новых правых», и господин де Бенуа любезно расскажет как о новой консервативной парадигме, так и оценит явления глобализации с точки зрения «новых правых». Именно сейчас проблема идентичности, проблема собственной системы ценностей и сохранения собственного «я» стоит особенно остро. Народы, культуры, государства целыми блоками стоят перед вызовом глобализации. Мы не можем обсуждать понятия консервативных ценностей или идентичности, отвлекаясь от контекста глобализации. Сейчас позвольте предоставить слово уважаемому господину Алену де Бенуа.

Ален де Бенуа: Добрый день! Итак, меня зовут Ален де Бенуа, моя специальность – это история идей и политическая социология. Однако я больше историк, чем социолог. Хотя, на мой взгляд, неважно, кем вы являетесь – социологом или историком, самое главное – осознавать исторический момент, в который мы живем. И вот этот исторический момент можно анализировать только с помощью адаптированных методов, не ссылаясь на то, что было в прошлом и не соотносясь с уже устаревшими понятиями.

Исторический момент, в который мы живем, – это, конечно, момент глобализации. Сегодня практически все говорят о глобализации, а потому и я хочу вам предложить свой анализ и интерпретацию глобализации.

Итак, у глобализации есть три непосредственных причины. Правда, можно назвать и больше, однако я буду говорить о трех основных.

Первая из причин – это, конечно, крушение Советского Союза, советской системы. В эпоху Советского Союза мир был разделен на две части, поэтому нельзя было говорить о глобализации, и именно поэтому одним из парадоксальных и непредвиденных последствий крушения Советского Союза стала возможность глобализации. Другими факторами, сопровождающими глобализацию, была, конечно же, глобализация средств распространения информации, технологий и финансовых рынков. Изначально глобализацию можно было бы рассматривать как некое завершение цикла эпохи модерна.

Можно по-разному характеризовать цикл, который мы называем эпохой модерна. Я бы мог говорить о сближении пяти больших процессов.

Первый процесс – это индивидуализация. Что это означает? Это – подъем, расширение индивидуализма в ущерб единению общности. То есть, на первое место выходит индивидуум, отрезанный от всего того, что было ему близко и родственно.

Второй процесс – массификация, то есть стирание различных дифференцированных образов жизни и принятие все большим количеством людей стандартизированных образов жизни.

Третий процесс можно было бы назвать десакрализацией, отказ от крупных метафизических нарративных систем в пользу чисто научных интерпретаций мира.

Четвертый процесс – это рационализация образа жизни, то есть использование инструментального разума, если можно так сказать. Я бы даже сказал, доминирование инструментального разума.

И, наконец, последний процесс – это универсализация, то есть планетарное расширение одних и тех же систем мышления и ценностей.

Таким образом, глобализацию можно было бы рассматривать как завершение сближения этих пяти основных процессов. И самое главное следствие – это унификация Земли. Но речь не идет вообще о любой унификации. Это унификация технологическая, экономическая и коммерческая, торговая.

Следовательно, сегодня под влиянием глобализации, под влиянием либеральных идей Земля стремится к созданию единого рынка. Но понятие «рынок» должно пониматься в очень широком смысле. В данном случае я не говорю только об экономическом рынке, но говорю о либеральной концепции, которая под рынком понимает парадигму всех социальных последствий. Все социальные отношения могли бы анализироваться с точки зрения рынка. И в этом смысле глобализация означает приход и царствование «экономического человека». Естественно, здесь надо учитывать все преобразования, которые могут произойти с точки зрения символических воображаемых понятий. То есть все больше человека сводят к исполнению одной единственной роли – производитель, потребитель. И вообще само понятие ценности сводится к жестко ограниченному понятию коммерческой ценности. И все, что не может быть рассчитано, все, что не может быть оценено в терминах рентабельности, считается просто не существующим.

И тут вы можете констатировать парадокс. Коммунистический марксизм считал, что он защищает материалистическую философию. Но сегодня мы видим, что либеральный капитализм оказался гораздо более эффективен, чем коммунизм, в распространении материализма. Он не распространял его с помощью философии, но распространял повседневной жизнью, с помощью тех же нравов. На самом деле либерализм можно было бы назвать «практическим материализмом».

А теперь давайте кратко посмотрим, каковы последствия либеральной глобализации.

Первое последствие – это гомогенизация на планетарном уровне. Это создание однородных образов и способов жизни, униформизация поведения в ущерб народной культуре, то есть сокращение человеческого разнообразия. Это можно было бы назвать распространением и расширением идеологии «одинаковости», «того же самого». Что это за эта идеология? Это совокупность разных доктрин, куда относятся и религиозные идеи и доктрины, и нерелигиозные доктрины. В рамках этих доктрин человек является одним и тем же везде, и, таким образом, этот человек должен везде создавать одни и те же политические и культурные системы в ущерб разнообразию культур народов, наций, их образов жизни.

Одновременно с этим мы видим, как в планетарном масштабе учреждается общество надзора, то есть создается целая серия методов и технологий, которые позволяют

отслеживать поведение людей, проверять, не отклоняются ли люди от норм. Сюда можно отнести контроль за общением, начиная с прослушивания телефона, и заканчивая установкой систем видеонаблюдения. Кроме того, это использование различных электронных методов слежения, которые позволяют определять, где люди находятся, чем они занимаются, каковы их вкусы, занятия и т.д., и т.п.

И тут можно констатировать второй парадокс. Именно наиболее развитые с технологической точки зрения общества сегодня располагают целым арсеналом средств для того, чтобы шпионить за согражданами, и подобными средствами не располагал ни один тоталитарный режим в прошлом. И сейчас уже можно говорить о планетарном распространении этого явления. Речь идет о западной идеологии, которая зародилась в четко определенный момент развития западного общества, и с самого начала совершенно несправедливым образом представляла себя как некая универсальная идеология. И именно с этой точки зрения глобализацию можно назвать формой неокOLONиализма. И именно в этом смысле глобализация означает также отмену или разрушение времени и пространства. Отмену времени, потому что все, что происходит в какой-то определенный момент в определенной точке планеты, моментально становится известно в других местах планеты, то есть можно говорить о некоем «нулевом времени».

Вот простой пример. Помните, когда самолеты разрушили две башни в Нью-Йорке в 2001 году? На самом деле можно говорить, что это произошло не только в Нью-Йорке, а на планете в целом, потому что в тот же самый момент все об этом знали и могли это видеть. И точно также можно говорить об отмене или разрушении пространства, потому что глобализация – это как раз разрушение границ пространства.

Стоит сказать, что глобализация – новое явление. Почему? Потому что впервые создан мир, не имеющий чего-то внешнего. В эпоху коммунизма был внешний мир, потому что был блок коммунистических стран, но все знали, что был еще внешний мир, то есть страны, которые коммунистическими не являлись. Но глобализация, по определению, – это вся Земля и, соответственно, никакого внешнего мира больше не существует.

Некоторое время назад я уже говорил, что глобализация – это завершение эпохи модерна, но это одновременно и конец этой эпохи. Как символическую дату можно взять 89-91 годы – падение «Берлинской стены» и развал Советского Союза. Эти годы завершили не просто послевоенный период, не просто XX век. Эти годы завершили исторический цикл, который историки называли эпохой модерна, корни которого восходят, по крайней мере, к эпохе Средневековья. В качестве начальной символической даты эпохи модерна можно выбрать дату Вестфальского договора (1648 год), когда было положено начало эпохи государства наций. И совершенно бесспорно, что именно это понятие – «государство наций» – стало ключевым политическим понятием этой большой эпохи, эпохи больших идеологий.

Сегодня мы вошли в эпоху постмодерна, когда государства наций уже не являются центральной фигурой. Это время таких политических единиц, которые являются и более мелкими, и одновременно более крупными. С одной стороны, это локальное место, с другой стороны – глобальное. Например, в Западной Европе сегодня вновь возникают небольшие объединения, и одновременно возникают логики, которые далеко выходят за рамки государств наций, которые мы можем назвать неоимпериалистическими или даже

континентальными. Эпоху постмодерна можно назвать миром сетей. Наиболее очевидная модель – это, конечно, Интернет, который создает и другие сети. Но есть большая разница между сетями и ассоциациями или организациями классического типа. Классические организации или ассоциации образовывались сверху – всегда был центр и периферия вокруг. А в сетях нет центров, все одновременно является и центром, и периферией. Логика сетей имеет вирусный характер. И вы видите сами, что само это понятие «вирус», сегодня приобрело совершенно иное значение. Я имею в виду разные новые эпидемии, вирусы: СПИД, например, а также вирусы, которые распространяются в Интернете. Кстати, сама информация сегодня распространяется как вирус.

Еще одна характеристика или черта глобализации ввела новую форму диалектики. С одной стороны, это стремление объединить Землю. С другой стороны, это стремление к унификации наталкивается на очень сильное сопротивление, и очень часто это выливается в разные формы шовинизма. Поэтому глобализация – это не только унификация. Это и фрагментация, раздробленность, которая является следствием этой унификации. И вот в этом концепте само понятие борьбы и войны тоже трансформируется. Раньше, в эпоху «холодной войны», соотношение сил все-таки стремилось к установлению некоего равновесия. Сегодня же мы видим доминирование асимметрии. Многие войны являются асимметричными, то есть, существуют очень мощные, могущественные армии, которым противостоят новые формы международного терроризма, и пример разрушения башен в Нью-Йорке здесь является очень характерным.

Глобализация сегодня предстает в виде бесспорного движения, которому нельзя оказать сопротивление. Однако у нее есть слабые моменты, где она беззащитна. И эта уязвимость связана с определением глобализации. Все, что подчинено глобализации уязвимо, потому что оно само глобализовано. И вот в этом контексте глобализации, когда все происходит в нулевое время, локальный кризис моментально трансформируется во всемирный. Вот совсем недавний пример – это финансовый кризис, который произошел прошлой осенью. Кризис начался в Соединенных Штатах и стал распространяться как вирус, который заразил экономики других стран. То есть, с одной стороны, здесь вы видите планетарную глобализацию – распространение вируса в планетарных масштабах.

Но при этом я вынужден сказать, что глобализация – это факт, это общие рамки исторического момента, в котором мы живем. Поэтому сейчас абсолютно утопично желать вернуться к предшествующей эпохе, эпохе, которая предшествовала глобализации. Но вот то, что можно изменить – это содержание глобализации, способ организации глобализации.

Карл Шмитт, немецкий юрист, говорил о «номосе Земли». «Номос Земли» – это общий порядок в мире. И до настоящего времени можно говорить о том, что были три основных номоса.

Первый номос – это античная и средневековая цивилизации. Это были автаркические цивилизации, более или менее самодержавные с попыткой имперского единения, будь то Римская империя, Германская, Византийская или, наконец, Российская империя.

Вторая эпоха или второй номос Земли – это то, что я называл эпохой государств нации, то есть эпоха модерна. Этот период завершился двумя крупными мировыми войнами. И,

начиная с 45-го года, мы видим, как появляется третий номос Земли – это биполярный мир, порядок, который разрушился совсем недавно с исчезновением Советского Союза.

И какой же самый большой вопрос стоит сегодня? Сегодня этот вопрос стоит так: куда мы движемся – к униполярному (однополярному) или же многополярному миру?

Александр Дугин: Универсум и плюриверсум, - вот термины.

Ален де Бенуа: Можно и так сказать.

На мой взгляд, разнообразие человечества и составляет его богатство. То есть сосуществования различных культур, различных народов в различных странах – это огромное преимущество. Все эти культуры необходимы.

В ходе сегодняшней лекции я должен был вам говорить о новой консервативной парадигме. И, нужно сказать, что если на сегодня существует эта парадигма консерватизма, то она продиктована императивом, который требует сохранения разнообразия в мире. Даже в эпоху третьего номоса Земли, то есть в эпоху «холодной войны», мир был разбит на две части на основании идеологических критериев. Был коммунистический блок и другие страны. Сегодня же эти идеологические различия исчезли или, по крайней мере, стали менее явными. Но возвращаются законы геополитики. Это не новые законы, но раньше они просто были несколько завуалированы идеологическими факторами. Одним из самых значимых законов геополитики – это противопоставление земли и моря. То есть противостояние между силами теллуократическими и талассократическими. Это противостояние между континентальными и морскими державами. Абсолютно очевидно, что могущественной морской державой сегодня являются Соединенные Штаты, главный центр капитализма и либеральной идеологии. А вот мощным континентальным объединением, конечно, является Евразия, в которой есть две составляющих. С одной стороны, это Западная Европа, а с другой, - Россия с естественной зоной влияния.

На мой взгляд, на сегодня в мире есть три мощных центра. Это США, Россия и Китай. Но вы скажете: а где же Западная Европа? На сегодня – нигде! Конечно, Западная Европа – это мощная коммерческая, торговая сила. Вторая в мировой экономике. Но политически Западная Европа не существует как сила, потому что она не осмысляет ни мир, ни номос Земли. Вот уже несколько десятилетий Европа пытается создать себя, построить себя, но ей это полностью не удается. На пути создания, строительства единой Европы было сделано много ошибок.

Первой ошибкой на данном пути было стремление сразу же создать Европу экономическую, Европу коммерческую в ущерб политической и культурной. Считали, что если удастся создать экономическую Европу, то она волшебным образом трансформируется в Европу политическую. Но сегодня уже все увидели, убедились, что это было не так.

Второй ошибкой была попытка создать Европу без народов Европы. Третья ошибка – это попытка создать Европу сверху технократическим и бюрократическим образом, а не снизу, то есть с основ. Четвертая ошибка – это то, что Европа отдала приоритет расширению Европы, а не углублению ее политических структур. «Единая» Европа стала

создаваться слишком поспешно. Так Европейский союз слишком поспешно присоединил государства Центральной и Восточной Европы, которые еще, может быть, себя и не осознавали как принадлежащими к Европе. И зачастую их подлинным стремлением было начать получать деньги и встать под защиту Соединенных Штатов.

И, наконец, никогда не были четко определены конечные цели создания этой единой Европы. Ее создание могло осуществляться в двух направлениях, причем, может быть, даже диаметрально противоположных. Первый вариант создания единой Европы – это создание большой зоны свободных обменов. Такая Европа могла бы открыться в сторону Атлантики и не иметь жестких границ. Это либеральные западные перспективы. Второе же направление предполагает, что Европа и Запад – это совсем не одно и то же. Эта перспектива заключается в создании мощной и автономной Европы, границы которой будут четко определены геополитикой, и эта Европа должна стать цивилизационной и культурной моделью и одновременно полюсом регулирования процессов глобализации.

Вот несколько моих размышлений, касающихся проблем глобализации, которыми я хотел с вами поделиться. И я хотел вам показать, что глобализация – это не просто какое-то слово, ставшее обиходным, это не какой-то лозунг. Это явление определяет эпоху, в которую мы живем. Это явление, которое ставит очень серьезные проблемы – не только экономические, но и политические, идеологические. Но глобализация в том виде, в каком она осуществляется сегодня, не есть наша обязательная судьба. Есть и другая глобализация, которая могла бы быть ориентирована на различия, на диверсификацию, а не на униформизацию, и которая была бы направлена на то, чтобы сохранить народы, их культуры, а не на то, чтобы их отрицать. Такая глобализация не опиралась бы исключительно на экономические и торговые параметры и ценности.

И в заключение я бы хотел добавить, что для нас, европейцев, и вас, россиян, важна чисто континентальная перспектива. И именно поэтому сегодня как никогда Европа нуждается в сильной, автономной и верной своим традициям России. Спасибо.

(Аплодисменты)

Владимир Добреньков: Уважаемые друзья, сейчас можно задать вопросы профессору де Бенуа. Любые вопросы, не обязательно по теме лекции.

Вопрос: Господин де Бенуа, а приходилось ли вам рассматривать такой вариант, что, возможно, цель создания современной единой Европы была преднамеренно краткосрочной для того, чтобы присоединить остатки распавшегося блока постсоветских стран и стран Центральной и Восточной Европы, чтобы отрезать им путь обратно к объединению, воссоединению на основе того же СНГ? И именно поэтому той же Америке бы была гораздо более интересна непрочная Европа, не представляющая угрозы в глобальной конкуренции.

Ален де Бенуа: Да, я, пожалуй, стою на вашей точке зрения. Действительно, целью США было воспользоваться концом коммунизма, чтобы отсечь от России ее естественных союзников. Да, большинство тех, кто создавал нынешнюю Европу, наверное, были движимы именно этими настроениями – приблизить Западную Европу к Соединенным Штатам и оторвать восточные страны от России. Таким примером могла бы быть теория

Хантингтона, он как раз говорил о столкновении цивилизаций. По его теории Европа делилась на две части. И он говорил, что вообще целой Европы не существует. Есть Западная Европа, которая едина с Соединенными Штатами, вместе с которыми формирует некое целое, и есть Православие, православные страны, а это уже совсем другое. И, действительно, православный мир – это некая отдельная совокупность, но все-таки это часть того, что мы называем континентом. И на самом деле Западная Европа находится гораздо ближе к православному миру, чем к Соединенным Штатам, причем как по своей истории, по своим ценностям, так и по своим интересам. И цель изолировать Россию, сделать ее безвредной, конечно же, была. Таким образом, США собирались бороться не только с коммунизмом, а вообще с любым соперником, который мог бы представлять для них угрозу.

Владимир Добреньков: Какие вопросы еще есть?

Александр Дугин: Здесь передали записку с таким вопросом господину Алену де Бенуа: «Какая мода женской одежды во Франции в настоящем сезоне?»

(Смех, аплодисменты)

Ален де Бенуа: Я должен сказать, что, несмотря на такую высокую репутацию Франции в этой области, она все-таки роль законодателя в этой сфере уже не играет. И, на мой взгляд, женская мода – это очень хороший пример униформизации, о которой я говорил. Вот сейчас я нахожусь в Москве, два дня назад был в Неаполе, а вчера был в Париже, и вижу, что женщины одеваются более или менее одинаково.

Вопрос: Господин де Бенуа, с вашей точки зрения, какие реальные методы возможно предпринять для перевода глобализации в «доброе» русло, для того, чтобы глобализация перешла из своего современного состояния в состояние альтерглобализации?

Ален де Бенуа: Вопросы – какие способы? – это старые вопросы. Ленин уже ставил вопрос – что делать? Но у меня нет готового ответа. На мой взгляд, есть некая диалектика. С одной стороны, есть то, что делают люди, и с другой стороны, - то, что делает история сама. Что делают люди? Они устраивают собрания, проводят лекции, читают и пишут книги, пользуются Интернетом, чтобы ориентировать развитие в одной направлении. И я хотел бы подчеркнуть очень важную роль Интернета на сегодня. Интернет сам по себе имеет тоже много недостатков. Это ведь некий способ контроля. Но бесспорно это и возможность создавать такие информационные сети, через которые можно распространять так называемую «диссидентскую информацию».

Вот один французский пример. В 2005 году во Франции был организован референдум, касающийся создания единой Европы, речь шла о проекте Европейской Конституции. Все крупнейшие политические партии Франции стояли на такой позиции, чтобы сказать «да» Конституции. И даже все крупнейшие средства массовой информации тоже предполагали сказать «да». А результат – большинство сказал «нет». И потом были проведены серьезные исследования результатов этого «нет», и поняли, что это «нет» было обусловлено влиянием той информации, которая распространялась в Интернете. И надо сказать, что если учесть обстоятельства, в которых происходят какие-то события, то бывает так, что люди их и не обусловили, и никоим образом не могли ни предусмотреть,

ни обусловить. Ведь если посмотреть на экономику, то интересы Европы и интересы Соединенных Штатов идут в разных направлениях. Многие люди отказываются считать, что это именно так, но, тем не менее, можно констатировать, что они действительно идут в разных направлениях. Это уже расхождения даже структурного характера.

И отвечая на ваш вопрос, я бы сказал, что все исторические повороты, все значимые эволюции, эволюционные процессы в истории – это есть следствие, с одной стороны, желаний, с другой стороны, обстоятельств. Недостаточно как и одних желаний, так и одних обстоятельств.

Александр Дугин: Поступил еще один вопрос. Расскажите, пожалуйста, об основных постулатах «новых правых» на сегодня.

Ален де Бенуа: Вы знаете, в течение нескольких минут очень трудно ответить на такой вопрос. То, что мы называем «новыми правыми», существует уже 40 лет. И можно себе представить, что за эти 40 лет прошли тысячи видов деятельности, конференций, коллоквиумов, было написано очень много книг, статей. Я бы сказал, что постоянной, константной составляющей в идеях «новых правых» является идея Европы. А за рамками Европы – это то, что мы называем «право на различия». То есть, это борьба против доктрины, основной идеей которой является «одинаковость» или «то же самое», то, о чем я говорил несколько раньше. То есть, борьба за то, чтобы мир сохранял свои краски, борьба против серого мира. Я должен добавить, и это очень важно, что «новые правые» – это не есть политическое движение. Это не политическая партия, но это интеллектуальное, культурное и идеологическое движение.

Александр Дугин: Очередной вопрос: «Господин де Бенуа, какую роль вы отводите исламскому миру в рамках глобализации?»

Ален де Бенуа: На мой взгляд, когда мы сегодня говорим об исламе, то большой ошибкой является смешение таких вещей как ислам, исламское движение и миграция терроризма. Сегодня с легкостью переходят от одного термина к другому, как если бы это были синонимы. Я так не считаю. Точно так же, я, например не считаю, что такое понятие как «Запад» имеет какой-то смысл как понятие, и также не считаю, что ислам есть нечто единообразное. Внутри ислама есть совершенно разные течения, порой даже противостоящие друг другу. И, кроме того, есть еще и различия национального характера, - ведь следует говорить о разном исламе – исламе в Алжире, в Саудовской Аравии, в Иране или в Индонезии. И, на мой взгляд, сегодня существует много течений в исламе, и в них тоже внутри есть противоречия, касающиеся и самоопределения, определения идентичности, хотя это все возникло в силу конфликтов между исламскими традициями и модерном.

Когда Советский Союз разрушился, то Соединенные Штаты считали, что была разрушена «империя зла», но они оказались очень несчастными, потому что им необходимо было иметь подобную «империю», и в итоге они представили ислам новой «империей зла». Я считаю, что ни в коем случае нельзя поддерживать такое мнение, такое отношение. И, на мой взгляд, нужно точно также по-разному относиться к исламу и дифференцировать его, основываясь на конкретных ситуациях, на различных странах и так далее.

Александр Дугин: Уважаемые коллеги, здесь много вопросов, и очень существенных, серьезных. Хочу напомнить, что завтра у нас на факультете в 101 аудитории в 15.30 с участием господина де Бенуа будет проходить коллоквиум в рамках Центра консервативных исследований, посвященный четвертой политической теории, куда вы приглашаетесь все, у кого будет возможность.

А сейчас я бы хотел прочитать последний вопрос зала: «Как во Франции воспринимается профессия социолог, насколько она престижна и значима в обществе?»
Я думаю, для студентов нашего факультета это интересно.

Ален де Бенуа: Профессия социолога на сегодняшний день во Франции достаточно престижна. Я бы даже сказал, что существуют французские социологические традиции с конца XIX века. Такие ученые как Дюркгейм стали основоположниками социологии как дисциплины. Конечно, есть самые различные социологические течения – консервативные, либеральные, марксистские и так далее, но если говорить в общем плане, то Франция гораздо лучше на сегодня представлена в социологии, чем в ряде других дисциплин. Я не знаю, имеет ли какой-то особый престиж профессия социолога, но общеизвестным фактом является то, что Франция – это все-таки страна интеллектуалов.

Владимир Добреньков: Уважаемые друзья, поблагодарим профессора де Бенуа. Спасибо вам за внимание. Всего вам доброго.

(Аплодисменты)